

ИНГЕРСОЛЛ ЛОКВУД

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОГО БАРОНА ТРАМПА

И ЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО ПСА БУЛЬДЖЕРА

КНИГА ПЕРВАЯ



Ингерсолл Локвуд

**ПУТЕШЕСТВИЯ И
ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОГО
БАРОНА ТРАМПА И
ЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО
ПСА БУЛЬДЖЕРА**

«Автор»

2026

Локвуд И.

**ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОГО БАРОНА
ТРАМПА И ЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО ПСА БУЛЬДЖЕРА /**

И. Локвуд — «Автор», 2026

Маленький барон Трамп (ровно три фута и восемь дюймов, если считать вместе с цилиндром) не создан для скуки. Пока его отец подсчитывает убытки от нашествия кротов, барон придумывает способ истребить грызунов стеклянными шариками — и заодно заработать состояние на прогнозах погоды. Вместе с верным псом Бульджером (который умеет читать мысли, таскать одеяла и выигрывать суды) он переживёт кораблекрушение в Котле Нептуна, попадёт в плен к круглотелым людям-шарам, женится на принцессе Рола-Боле (почти) и будет поджарен на медленном огне, но в последний момент. В общем, классическое викторианское фэнтези в стиле «Алисы» и «Гулливера», только с немецким акцентом и собакой, которая заслуживает отдельного титула.

© Локвуд И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Об авторе и его удивительном мире	6
ОТ РЕДАКТОРА	7
Глава I	8
Глава II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ингерсолл Локвуд
ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
МАЛЕНЬКОГО БАРОНА ТРАМПА И ЕГО
УДИВИТЕЛЬНОГО ПСА БУЛЬДЖЕРА

Глава

МАСТЕРУ
ЭДВАРДУ ГОЛД ДЖОНСТОНУ,
ОДНОМУ ИЗ ПЕРВЫХ ПОЧИТАТЕЛЕЙ
МАЛЕНЬКОГО БАРОНА ТРАМПА,
ЭТА КНИГА БЛАГОДАРНО ПОСВЯЩАЕТСЯ.

Об авторе и его удивительном мире

Ингерсолл Локвуд (1841–1918) — фигура, которую литературная история незаслуженно обошла стороной. Адвокат по образованию, выпускник Йельского университета, он посвятил жизнь двум страстям: праву и литературе. Однако если юридическая карьера принесла ему достаток и уважение в нью-йоркском обществе, то писательский дар — увы, почти полное забвение при жизни и ещё более полное — после смерти.

И это при том, что Локвуд был удивительно разносторонним автором. Он писал детективы, политические памфлеты, сатирические памфлеты — и странные, ни на что не похожие фэнтезийные романы, в которых викторианская чопорность сталкивалась с абсурдом, а серьёзность тона оборачивалась неожиданным гротеском. Сегодня, перечитывая его книги, невозможно отделаться от мысли, что Локвуд на полвека опередил своё время: его ироничные, самоироничные, полные чёрного юмора и философских подтекстов истории куда ближе к Пратчетту или Адамсу, чем к степенным романам его современников.

Особняком в творчестве Локвуда стоят две книги — и они же образуют удивительный контраст, какой только можно представить в рамках одного пера.

Первая — «Путешествия и приключения маленького барона Трампа и его удивительного пса Бульджера» (1890). Это чистейший, незамутнённый эскапизм. Абсурд, возведённый в степень. Здесь царят говорящие псы, чихающие дикари, живые валуны-круглотельши, гигантские светлячки размером с летучую мышь и кипящие моря. Маленький барон с непропорционально большой головой — воплощение гениального безумия — путешествует по вымышленным мирам, попадая в переделки, которые могли бы присниться только Локвуду. Книга дышит старомодным шармом, восточной пышностью и той особой иронией, когда автор с абсолютно серьёзным лицом рассказывает самые невероятные вещи.

Вторая — «1900 год, или Последний президент» (1896). Мрачная, нервная, почти пророческая политическая фантазмагория. Здесь Локвуд, сменив перо на публицистическую дубинку, обрушивается на популизм, серебряную лихорадку, слепую веру толпы в харизматичного лидера — и рисует картину Америки, стоящей на грани гражданского распада. День без рассвета, армии безработных, марширующих на Вашингтон, Уолл-стрит в агонии. Книга, которую современники приняли за карикатуру, а мы сегодня читаем с холодком на спине: слишком многое в ней сбылось — пусть и не буквально, а в самой сути.

Две книги — два полюса одного писателя. И в этом, пожалуй, главное очарование Локвуда. Он не был монотонным. Он мог рассмешить до колик, а через страницу — заставить замереть от недоброго предчувствия.

«Маленький барон Трамп» — его лучший час в жанре чистого, безудержного, почти детского (если бы не чёрный юмор) приключения. Эта книга — подарок тем, кто устал от серьёзности, кто готов отправиться в путь, где логика спит, абсурд правит бал, а верный пёс умнее всех министров вместе взятых.

Приятного путешествия в мир Ингерсолла Локвуда — мир, где всё возможно, и ничего нельзя предсказать.

ОТ РЕДАКТОРА

Перед вами — книга, которую невозможно спутать ни с какой другой. Ингерсолл Локвуд, забытый гений американского абсурда, написал её в 1890 году, и с тех пор она ждала своего читателя: того, кто не боится ни гротеска, ни старомодных острот, ни баронов ростом в три фута с псом, который умнее половины министров.

Наша задача была деликатной: сохранить неповторимый голос маленького барона Трампа — его напыщенную серьёзность, его ироничные отступления, его восточную пышность там, где речь идёт о предках-крестоносцах, и его трогательную нежность, когда он говорит о Бульджере. Мы не стали «упрощать» Локвуда для современного читателя. Мы лишь слегка причесали самые капризные фразы, убрали повторы, которые возникали из-за особенностей викторианской периодики, и разбили длинные главы на удобные подглавы. Ни одна сцена, ни один диалог, ни одна странная деталь — от чихательных приветствий до суда над собакой в Китае — не были выброшены или переписаны.

Читайте медленно. Смакуйте абсурд. И помните: где-то в параллельной вселенной маленький барон Трамп и его удивительный пёс Бульджер всё ещё путешествуют, а мы имеем честь пересказать лишь малую часть их приключений.

С неизменным почтением к читателю и к автору,
Литературный редактор

Глава I

Краткий рассказ об одном из прославленных предков маленького барона, прозванном «Рыцарем без рук». Его удивительная сила и отвага. Как он последовал за Ричардом Львиное Сердце на Восток. Блестящие подвиги на поле боя под стенами Яффы. Женитьба в присутствии Саладина и Львиного Сердца.



Я происхожу из одного из древнейших и благороднейших семейств Северной Германии — славящегося своей доблестью и любовью к приключениям.

Один из моих предков, едва разменяв третий десяток, как-то утром услышал за отцовским столом, что великий английский король Львиное Сердце собирается вести войско против неверных.

— Благородный родитель! — воскликнул юноша, вскакивая с места. Глаза его горели, щёки пылали. — Позволь и мне присоединиться к крестоносцам и помочь уничтожить врагов нашей святой веры.

— Увы, бедное дитя! — ответил отец, бросая сострадательный взгляд на сына, который по странной причуде природы родился без рук. — Ты не создан для тех ужасных битв, что ждут нашего кузена Львиное Сердце. Тебе нечем владеть боевым мечом, нечем опустить копьё. Это было бы убийством — посылать твоё незащитное тело под занесённый ятаган беспощадного мусульманина. Сын мой, выкинь эти мысли из головы, обратись к поэзии и философии. Своей учёностью ты приумножишь славу нашего рода.

— Нет, благородный родитель, послушай! — горячо возразил юноша, и взор его был красноречив. — Правда, природа отказала мне в руках, но она не так жестока, как кажется: в награду она дала моим ногам силу великана. Неужто забыл, как в прошлом месяце я одним ударом каблука своего охотничьего сапога завалил дикого вепря?

— Помню, — ответил старый барон с улыбкой. — Но...

— Прости, что перебиваю, отец, — продолжал молодой человек. — Я пойду в бой вдвойне вооружённым: к каждому стремени я приделаю по мечу, и горе тому мусульманину, что осмелится встретиться со мной на поле брани.

— Тогда ступай, сын мой! — воскликнул старый барон, и слёзы заструились по его иссечённым шрамами щекам. — Ступай, присоединяйся к нашему венценосному кузену Львиное Сердце. И если ты, безрукий, сможешь выдержать ярость неверных, имя Трампов озарится новой славой, и в этом родовом зале повесят портрет «Рыцаря без рук», на который во все времена будут смотреть с изумлением все любители доблестных деяний.

Радости моего юного предка не было границ.

Едва успев сделать необходимые приготовления к пути, с горсткой верных слуг он выехал из замкового двора под ликующие крики тысяч прекрасных дам, собравшихся из соседнего города пожелать доброго пути «Рыцарю без рук».

Лишь в знаменитой битве под стенами Яффы моему предку представился случай явить миру свою храбрость, необычайную силу и неудержимую ярость натиска.

Ни один, ни пятеро, ни десятеро простых солдат не осмеливались встать на пути «Рыцаря без рук».

Целые эскадроны в ужасе отступали перед этим таинственным мстителем за поправное христианство, который без единой кисти рук разил воинов-мусульман подобно тому, как буря клонит наземь колосья.

Снова и снова Саладин посылал цвет своего войска против «Рыцаря без рук», чья сила и отвага уже вселили ужас в сердца суеверных солдат. Мусульманский воин, сам не ведая, какая участь его ждёт, бросался на моего предка с занесённым ятаганом, и тогда «Рыцарь без рук» одним ударом меча, прикреплённого к стремени, разрубал грудь коня врага, а затем затапывал неверного насмерть, когда тот падал на землю.

Наступил полдень.

Саладин, наблюдая с возвышенности за ходом битвы, с тревогой следил за чудовищным избиением самого цвета своего воинства.

Имя, звание и национальность моего юного предка уже были поведаны предводителю мусульман.

— Ла илаха илля-Ллах, Мухаммад расулу-Ллах! — воскликнул он, поглаживая бороду. — Блажен тот, кто может назвать этого воина-христианина своим сыном! Сколько же детей Пророка он погубил сегодня?

— Шестьсот пятьдесят девять, — был ответ.

— Шестьсот пятьдесят девять, — эхом отозвался Саладин. — А ведь всего лишь полдень!

Когда же наступила ночь, число это возросло до тысячи и семи.

Услышав о страшном дневном труде «Рыцаря без рук», великое сердце Саладина истекло кровью, но и он не мог сдержать своего восхищения перед столь дивной доблестью и умением.

— Ступайте! — воззвал великодушный вождь неверных. — Ступайте, возьмите из моего дома прекрасную рабыню Когилат — ту, что с очами цвета блестящего чёрного камня, само воплощение грации и цвет царственной красоты. Приведите её к «Рыцарю без рук» с царским приветом от Саладина: его доблесть делает его моим братом, пусть он даже и гяур. Ступайте!

Когда прекрасную Когилат привели к моему юному предку и объявили, что Саладин послал её ему в дар вместе с царским приветом как знак уважения к столь юному и столь отважному воину, первой мыслью христианского юноши было с негодованием прогнать её прочь.

Но в этот миг Когилат подняла свои большие блестящие глаза и устремила их прямо в лицо молодого человека.

Сердце человеческое не выдержало бы такого.

Повелительным жестом отослав её свиту из шатра, он приблизился к ней с почтительным видом и сказал:

— Когилат, странная судьба послала тебя ко мне. Посланник великого Саладина поведал мне о твоей добродетели, твоём добронравии и твоём одарённом уме, который хранит в себе самые восхитительные образы и столь же полезные знания. Он сообщил мне, что ты ведёшь свой род напрямую от той знаменитой принцессы вашей земли, Шахерезады, что на протяжении тысячи и одной ночи так пленяла разум султана Индии игрой своего блестящего воображения, что он отказался от своего страшного замысла мести. Как думаешь, Когилат, сможешь ли ты забыть своего ложного бога и возлюбить лишь Единого Истинного?

— Да, мой господин, — прошептала кроткая Когилат. — Если такова будет воля моего господина.

Улыбка озарила красивое лицо моего юного предка. Ему бы хотелось встретить чуть больше сопротивления при обращении прекрасной неверной в истинную веру, но как он ни вглядывался в её прекрасное лицо — долго и пристально, ища хоть признака коварства, — он не увидел ничего.

— Хорошо, Когилат, — продолжил он. — А теперь ответь мне от чистого сердца: готова ли ты стать моей женой по обрядам христианской церкви и законам моей родной земли?

И снова прекрасная Когилат ответила:

— Да, мой господин. Если такова будет твоя воля.

На следующий день было объявлено перемирие. И в присутствии двух великих предводителей враждующих армий — Львиное Сердце и Саладина, каждого в окружении великолепной свиты, — моего юного предка и принцессу Когилат обвенчал королевский исповедник. «Рыцарь без рук» возвышался над толпой в своей сверкающей кольчуге подобно колонне из полированного серебра. Когда же он подошёл к своей черноокой невесте, зажав обручальное кольцо в губах, оба войска потрясли землю могучим ликующим кличем.

Саладин погладил бороду. Львиное Сердце осенил себя крестным знамением.

Не прошло и получаса, как вожди вернулись в свои лагеря, и война вновь принялась за своё ужасное дело разрушения.

Именно этому союзу моего прославленного предка, «Рыцаря без рук», с мусульманской девой я обязан тем почти восточным богатством фантазии, которым обладаю.

Глава II

Старый барон не уверен в точном месте моего рождения. Почему — станет ясно позже. Мои родители в то время путешествовали по Африке. Замечательное восхождение старого барона на Лунные горы. Чудесное спасение из непроницаемого тумана. Как это удалось. В стране мелодичных чихателей. Всё, что там случилось. Как король мелодичных чихателей с великой честью проводил моих родителей в свой дворец и как он с ними обходился.



Хотя в моей власти удовлетворить любопытство читателей относительно того, в какой именно части света я впервые увидел тьму (ибо родился я ночью), но что касается точного места моего появления на свет — увы, я могу лишь повторить слова отца, когда его спрашивали об этом.

— Сын мой, — говорил он, — даже будь я на смертном одре, я бы только и смог сказать, что ты родился либо в центре великого озера, либо на острове, либо на полуострове, либо на вершине очень высокой горы, как я тебе не раз объяснял.

Так что пусть пока, благосклонный читатель, тебе будет довольно знать: в час моего рождения мои родители путешествовали по Африке; мой отец только что совершил одно из чудеснейших восхождений в истории — а именно, поднялся на высочайшую вершину Лунных гор; проводники бросили его, когда он достиг особенно опасного участка; но он пошёл дальше без них и достиг вершины после нескольких дней ужасных лишений, страдая от голода и жажды — ибо у той атмосферы есть особенность: после определённой высоты мышцы лица и горла немеют, и несчастный путешественник погибает от голода или жажды, даже находясь в виду сочных плодов и прохладной прозрачной воды.

Воссоединившись с моей матерью (которая сопровождала его так высоко, как только могли ступать лучшие мулы), они двинулись, как им казалось, обратно в ту долину, откуда начали путь.

Тут их окутал непроницаемый туман, и вскоре они безнадежно и беспомощно заблудились.

На третье утро туман стал ещё плотнее — сомкнулся вокруг, как саван, почти совсем погасив дневной свет.

Когда отец бродил ощупью, он наткнулся на двух вьючных животных, которые помогали ему на более лёгких участках подъёма. Те мирно пощипывали сладкие нежные кусты, росшие на склоне.

И тут отцу пришла идея. Рождённая тем отчаянием, которое заставляет человека долго и упорно думать, прежде чем лечь и умереть.

Он рассудил так: если позволить этим животным наесться досыта всякий раз, как у них разыграется аппетит, они с радостью останутся здесь, особенно видя вокруг такие отличные пастбища и полное избавление от трудов. Но пусть они почувствуют голод — а лучше, как его острый зуб вонзится им в потроха, — и мысли их сразу вернуться к дому, к хозяевам, к кормушкам, и они не замедлят отправиться в ту деревню, где им положено быть.

С энергией отчаяния отец наспех завязал им морды куском парусины — так, чтобы они не могли ни пасть, ни пить, — и замер в ожидании, затаив дыхание, ибо слёзы и стоны моей бедной матери, силы которой быстро таяли, раздирали ему душу.

Через несколько часов животные поднялись на ноги и забеспокоились. Ещё через час голод их так усилился, что они делали отчаянные попытки поесть — отец легко понял это по рывкам верёвки, которую привязал к их уздечкам.

После четвёртого часа наступила долгая тишина: казалось, животные размышляли, какой путь избрать.

Настал пятый час.

Мать, обессилевшая и усталая, забылась сном на руках у отца. Вдруг верёвки натянулись. Отец нежно разбудил свою спутницу, шепнув несколько слов утешения.

Верёвки натянулись снова.

Родители поднялись на ноги, взглядывая в густоту непроницаемого тумана, который скрывал их друг от друга.

Тсс! Животные снова двинулись. Внезапным порывом — словно их умы наконец разрешили задачу, мучившую их несколько часов, — звери с громким фырканьем повернули от того места, ломясь сквозь кустарник, и заставили моих родителей развернуться.

Очевидно, между выводами их ума или инстинкта царило полное согласие, ибо ни разу они не разошлись в стороны и не остановились, разве что когда отец их сдерживал.

И так мои дорогие родители были спасены!

Весь тот день и часть следующего они брели своим унылым путём. Наконец туман поднялся, и отец сразу понял: хоть животные и ведут их к человеческому жилью, это не та земля, откуда он вышел, начав свой путь к горной вершине.

Тропа стала настолько отчётливой, что отец снял с животных импровизированные намордники и позволил им утолить голод, что те и сделали с величайшим наслаждением. Мать так обессилела, что без сил опустилась на землю. Освежив её глотком родниковой воды и соком дикого винограда, отец наскоро приготовил ложе из мягкой листвы, на которое оба с радостью и бросились после долгого и утомительного перехода.

Они быстро погрузились в глубокий и сладостный сон. Сколько проспали на своём лиственном ложе — не знали.

Без сомнения, много долгих часов, ибо когда проснулись, голод уже грыз их желудки. Они бы тотчас принялись собирать плоды, если бы их уши внезапно не поразили самые необычайные звуки.

Они протёрли глаза, огляделись, взглянули друг на друга — решили, что это шутит какой-то весёлый обманщик из сновидений.

Но нет; они бодрствовали и полностью владели рассудком. Странные звуки послышались снова — на этот раз ближе и отчётливее.

Они то нарастали, то затихали, то вздымались, то угасали.

Звуки были отрывистыми, резкими — и в них слышалась странная музыка.

Всё ближе и ближе. Всё громче и громче.

— Дикие звери? — шёпотом спросила мать, скорее не спрашивая, а ища подтверждения.

— Нет, — ответил отец. — Разве что людей можно назвать зверьми за их дикость.

— Внемли ещё! — прошептала мать.

Сомнений больше не оставалось. Словно хор множества голосов — пронзительных и свистящих, низких и ворчливых, мягких и музыкальных, хриплых и гортанных, — но все в какой-то грубой и дикой гармонии, сливаясь в едином мощном потоке, то тихом и едва слышном, то вдруг разражающемся свирепой и, казалось бы, угрожающей силой, певцы, горлопаны, завывалы — кто бы они ни были — ворвались в долину внизу дикой, но всё же упорядоченной нестройной толпой.

Это были люди в дикарских одеждах, с раскрашенными лицами, с дубинками, небрежно перекинутыми через плечо. И останавливаясь, и двигаясь вперёд, они не переставали вести свою дикую и таинственную песнь — отрывистую, резкую, порывистую, точно тысяча человек только что дружно и обильно чихнули, зачерпнув из тысячи табакерок.

— Спаси меня, муж! — воскликнула мать с побелевшим лицом. — Эти дикие дети леса подвергнут нас ужасным пыткам.

По лицу отца разлилась улыбка — такая мягкая, такая спокойная, что она не могла не ободрить.

— Никогда не бойся! — сказал он. — Я знаю их, я искал их! То, в чём было отказано многим путешественникам сильнее и смелее меня, чудеснейшим образом даровано члену семьи Трампов. Когда мы вернёмся в Европу, каждый монарх, каждое учёное общество поспешит прикрепить медаль на мою грудь, ибо, дорогая жена, твой муж — первый белый человек, ступивший в землю...

— В землю... — эхом отозвалась мать, подаваясь вперёд и сжимая его руку.

— ...Мелодичных Чихателей!

— Мелодичных Чихателей? — переспросила мать с широко раскрытыми глазами, и во всех чертах её лица поселились изумление и веселье.

— Мелоди...

Но она не смогла продолжить. К бесконечному удовольствию отца, на неё напал сильнейший приступ чихания. Чихи неслись так часто, что звучали в точности как маленький паровоз на полном ходу.

Наконец приступ, казалось, прошёл.

— Мелоди... — тщетно; до второго слога она не добралась.

И тут, в свою очередь, начал чихать отец — сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее.

Как ни странно, их чихание вскоре начало подчиняться местным законам и полностью влилось в общий ритм, соблюдая такт, как ни старались они этому помешать.

— Так знай же, дорогая жена, — воскликнул отец, тяжело дыша после того, как его приступ закончился, — что те странные люди, что раскинулись на зелёной траве внизу, и есть

«Мелодичные Чихатели». Они не только совершенно безвредны, но и удивительно кротки, добры и миролюбивы. Не бойся их! Их дубинки — только для дичи.

— Но почему... — начала мать осторожно, боясь нового приступа.

— Я понял тебя, — ответил отец. — Слушай. Знай, что в этой долине и в тех, что ниже, воздух всегда наполнен мириадами крошечных насекомых. Даже самый сильный микроскоп едва докажет твоим глазам, что они действительно существуют. С незапамятных поколений эти мирные варвары подвержены тем щекочущим ощущениям, которые только что испытали мы с тобой...

Тут моя бедная родительница снова принялась чихать — ровными, музыкальными каденциями, то взлетая, то опускаясь, то глубоко, то пронзительно, то всё быстрее и быстрее, то медленнее и медленнее, пока вновь не воцарилась тишина.

— ...испытали, — продолжил отец, — и это сделало чихание таким же лёгким, как дыхание. Пользуясь результатами, которые они скоро поняли как неизбежные, эти дети природы не замедлили отложить обычную речь и буквально заговорить чиханием!

— Для них чих может иметь столько интонаций, столько оттенков, что они без труда выражают все необходимые чувства и ощущения — по крайней мере, необходимые в их нехитрой жизни, как ты вскоре увидишь.

Здесь моя бедная мать хотела бы выразить своё изумление, но не смела и рта открыть.

— Идём, дражайшая супруга, — весело воскликнул отец. — Мужайся! Спустимся в эту прекрасную долину, ибо пока мы стоим лишь на границе «Страны мелодичных чихателей», которая на их мягком музыкальном языке называется Ля-а-а-пчхи-ля.

Произношение этого слова снова погрузило моих бедных родителей в самый настоящий чихательный ураган, но, ничуть не смутившись, они направились навстречу туземцам, которые при первом же взгляде пали ниц и несколько мгновений издавали низкий, жалобный гул чихов, уткнув носы в траву.

Однако постепенно отцу удалось убедить их, что и он настроен столь же мирно.

Тогда Мелодичные Чихатели исполнили самый странный и притом приятный танец радости: их ноги отбивали такт в полном согласии с чихательным хором.

Как позднее узнал отец, танец выражал их глубокую благодарность «белым духам» за то, что те не съели их заживо.

Затем началось торжественное шествие домой. Отец шёл рука об руку с королём Чью-чью-лё, а мать сопровождали два десятка или больше его жён; любимую королевского дома звали Чью-ля-а-а-а, и каждая следующая — в зависимости от того, насколько низкое место она занимала в королевской привязанности, — имела имя всё короче, пока наконец «Чью-ля» не стало означать не больше, чем простая служанка.

Отец обнаружил, что деревни Мелодичных Чихателей — из-за частых и сильных наводнений от сети рек, которые полностью отрезают их землю от внешнего мира, — состоят из домов, построенных на деревьях или на высоких сваях.

Его и мать поселили в одном из самых просторных королевских жилищ; к ним приставили столько рабов и прислужников, что негде было повернуться.

К великому своему огорчению, отец отослал несколько сотен прочь — хотя бы для того, чтобы подобраться к матери поближе и разговаривать не на крике, — а затем передал королю Чью-чью-лё, что им обоим понадобится по меньшей мере неделя совершенного покоя и тишины, чтобы восстановить здоровье и силы после ужасных страданий на склонах Лунных гор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.